

ОБЩЕСТВО.СИБИРЬ

Человек, который возвращал имена. Памяти Алексея Бабия

16 сентября 2026

Юлия Старина (RFE/RL)

Алексей Бабий

Утром 15 сентября после продолжительной болезни умер красноярский общественник, историк и один из пионеров местного интернета Алексей Бабий. Ему был 71 год. Почти сорок лет он собирал сведения о людях, прошедших через советские репрессии, возглавлял красноярский "Мемориал", создавал электронные базы и книги памяти. Одновременно Бабий занимался историей Красноярских Столбов, программировал, создавал сайты, писал рассказы и повести.

"Мне 70 лет, а я один из самых молодых в команде. Мы собрали гигантский архив. Его нужно представить людям", – говорил Алексей Бабий два года назад [в интервью "7×7"](#). Каждый его день тогда проходил почти одинаково: до полудня он разбирал электронную почту, потом составлял списки лишенцев, несколько часов сканировал архивные дела, а вечером садился за компьютер и выкладывал оцифрованные документы на сайт красноярского "Мемориала". Себя Бабий называл "архивной крысой". В работе оставались списки примерно на 150 тысяч человек.

Последнее большое интервью с ним ["Новая газета" опубликовала 15 сентября](#), еще не зная о его смерти. Уже после публикации редакция дописала несколько строк: Алексей Бабий скончался. Одной из самых тяжелых историй в этом разговоре стали найденные им в архиве расписки раскулаченных родителей, которым перед высылкой приходилось решать, кого из детей забрать с собой, а кого оставить родственникам.

| Математик, который стал хранителем памяти

Алексей Бабий [родился 20 октября 1954 года в Читинской области](#). В 1976 году окончил математический факультет Красноярского государственного университета, работал в вычислительном центре КГУ, преподавал, затем был старшим научным сотрудником Красноярского филиала ВНИИ программных средств. В 1990-е руководил учебными компьютерными центрами "Демоса", "Красфайла" и Maxsoft, позднее – web-лабораторией Maxsoft. Редактировал журнал ON LINE, интернет-издание "Сталкер", региональный раздел Internet.ru. Он стал автором восьми книг и нескольких десятков публикаций – об информационных технологиях, истории репрессий, Красноярске, а также рассказов и повестей.

К истории репрессий он пришел раньше, чем стал участником "Мемориала". В 1979 году 25-летний Бабий захотел посмотреть старые подшивки "Правды". Выпуски до 1943 года в библиотеке ему не дали. Затем он начал разбираться, почему его дед по отцовской линии Федор Савельевич неожиданно уехал из Полтавщины в Забайкалье, и выяснил, что тот был лишенцем.

Потом принялся искать следы родителей матери, которая рано осталась сиротой. Из архива КГБ его выставили. В областном архиве он узнал, что бабушка и дед по материнской линии были расстреляны в 1937 году.

– Я был полным дураком. Я не осознавал опасности, – [вспоминал Бабий](#) о собственных поисках в позднесоветские годы.

Его дед по материнской линии Николай Клюкин родился в Цицикаре в Маньчжурии в семье железнодорожников. Семья бабушки, Тамары Гиргилевич, [переехала из Екатеринослава в Харбин в 1911 году](#): ее родители работали там в русской гимназии. После конфликта на КВЖД отец Тамары Григорий Гиргилевич вместе с ней и еще двумя детьми вернулся в СССР. Николай Клюкин и Тамара Гиргилевич впоследствии попали под "харбинскую" операцию НКВД и были расстреляны.

В 2017 году Бабий сам написал об этой семейной истории в "Новой газете":

– Этому приказу я обязан своим рождением.

Если бы родителей его матери не расстреляли, объяснял он, ее жизнь сложилась бы иначе и она, вероятно, никогда не встретила бы его отца. Тамара Гиргилевич во время расстрела была беременна. Матери Бабия Идее было шесть лет.

При этом диссидентского прошлого у самого Бабия не было.

– Я никогда не был диссидентом, даже самиздат не читал в советское время, – рассказывал он Сибирь.Реалиям в 2018 году.

Лишь позднее он узнал, что политическая и правозащитная жизнь шла совсем рядом. Одним из тех людей, которые привели в нее Алексея Бабия, стал Владимир Сиротинин. Он переехал в Красноярск из Ленинграда, где участвовал в подпольном молодежном кружке "Колокол", а в 1980-е в Красноярске подвергался обыскам и допросам за распространение самиздата, в том числе "Хроники текущих событий". Позже выяснилось, что и Сиротинин, и вузовский научный руководитель Бабия Валерий Хвостенко состояли в Фонде помощи политзаключенным.

Хвостенко, с которым Бабий дружил и часто бывал у него дома, запрещенные тексты ему сознательно не давал.

– Вы же врать не умеете, сядете немедленно, – вспоминал Бабий его объяснение.

В ноябре 1987 года Юрий Щекочихин, Лев Пономарев и Юрий Самодуров предложили собирать подписи за создание мемориала жертвам политических репрессий. В Красноярске этим занялся программист Владимир Биргер. С Бабием они познакомились в литературном объединении "Дебют".

– Выяснилось заодно, что мы с ним коллеги – программисты. У нас с Володей был доступ к ЭВМ, на них подписные бланки удобнее было печатать, чем на машинке, – вспоминал Бабий.

9 марта 1988 года Биргер, Бабий и Ирина Полушкина пришли домой к Владимиру Сиротину и предложили ему возглавить новое общество, которое будет заниматься судьбами репрессированных. Его назвали "Судьбы людей". Это произошло почти за год до учреждения Международного "Мемориала". Позднее красноярская организация тоже стала называться "Мемориалом". С 2002 года ее возглавлял Бабий.

| Полкквартиры карточек

Сначала никакой электронной базы не было. Мемориальцы принимали родственников репрессированных, записывали рассказы, собирали документы и фотографии. Когда списки начали публиковать в "Красноярском комсомольце", в редакцию хлынули письма.

– Володя Биргер был мастер таких поисков. Посмотришь его записи – в каждом интервью он умудряется "вытаскивать" до 100 фамилий, – рассказывал Бабий.

За несколько лет в картотеке накопилось около 70 тысяч имен. Примерно 40 тысяч карточек занимали половину квартиры Владимира Сиротина.

Для команды, в которой было сразу несколько программистов, следующий шаг был естественным.

– Понятно, что нужно было все это в электронную форму переводить, – говорил Бабий.

Первую цифровую базу красноярские мемориальцы создали еще в 1989 году на советском ДВК: на одной дискете находилась операционная система, на другой – данные. В 1998 году появился сайт. Бабий говорил, что это был первый российский интернет-ресурс о политических репрессиях.

– Мы первыми из "мемориальцев" сделали сайт. И оцифровку начали раньше всех, – рассказывал он "Новой газете" в 2025 году.

Когда создавалась общероссийская база репрессированных, Красноярск стал одним из координационных центров, а Бабий за месяц объехал города Сибири и Дальнего Востока, помогая запускать работу на местах.

– День работаешь в одном городе, потом перелет или переезд – и ты уже в другом. Потрясающая командировка была, – вспоминал он.

К 2024 году в базе красноярского "Мемориала" было около 300 тысяч человек. Еще примерно 150 тысяч имен оставались в работе. Сам Бабий оценивал общее число репрессированных и сосланных, прошедших через Красноярский край, примерно в миллион человек. Это исследовательская оценка, а не точное установленное число.

|"Он был центром урагана"

Борис Беленкин, много лет заведовавший библиотекой московского "Мемориала", познакомился с Бабием в начале 2000-х.

– Он мне очень понравился. То, что он говорил, казалось настоящим, основательным. Абсолютно никакой фальши. Если его что-то интересовало, если он что-то затеял, он от этого не отходил и добивал до конца.

Алексей Бабий

При этом Беленкин и Бабий годами спорили – в основном в шутку – о том, чему доверять: бумаге или цифре.

– Я был его антагонистом, – шутит Беленкин. – Он был абсолютным сторонником и фанатом цифрового контента. Все документы, все бумаги, книги – все из бумаги в цифру. Бумага вообще для него была позапрошлым веком. Я ему говорил: никакого твоего интернета не будет, сгорит подстанция – и все. А бумага даже не всегда горит. Он, естественно, издевался над моей бумагой.

Независимый исследователь истории советских репрессий **Олег Зорин** (имя изменено по соображениям безопасности) начал переписываться с Бабием более десяти лет назад. Один из братьев его прадеда вместе с семьей был депортирован в Красноярский край, и Бабий помогал искать сведения о нем. Позднее они стали обмениваться уже профессиональной информацией.

– Он был так, по-злему оптимистичен. У него не было никаких иллюзий о каком-то светлом будущем, он прекрасно понимал, что происходит, и в то же время оставался энергичным. Очень прямой, честный и спокойный человек. Я однажды написал, что он был центром урагана. Все вокруг крутится, а он – какая-то точка стабильности.

Зорин вспоминает большую работу по расшифровке списков немцев, депортированных в Красноярский край. Бабий сумел организовать множество волонтеров, которым пришлось разбирать огромные массивы рукописных документов.

– Это тяжелейший труд. Огромные списки, рукописные тексты, очень много времени и сил. А он умел вокруг себя собрать хороших людей и наладить эту работу.

Ему же запомнилась формула, которой кто-то однажды описал работу Бабия: "машина по упорядочиванию хаоса".

– У него с одной стороны лежит необработанная гора, посередине компьютер, справа – обработанное. И он медленно, но верно все это перерабатывает.

| "Нашел моего прадеда"

Жительница Кемерово **Ирина** несколько лет назад написала Бабию, когда пыталась выяснить судьбу своего прадеда-черкеса. Она знала только, что его когда-то сослали в Красноярский край, в какую-то деревню.

– Я особо ничего не ожидала. Написала Алексею – автору и составителю книг и списков репрессированных. Он пообещал посмотреть по своим материалам. Через пару дней ответил: нашел моего прадеда в своих списках.

Выяснилось, что известная семье история была неполной.

– Оказывается, прадеда сначала дважды раскулачивали, а потом уже расстреляли. То есть я всю жизнь знала только о ссылке в Сибирь, а оказалось, что его история закончилась совсем иначе.

Больше всего Ирину удивило, что человек, работавший с сотнями тысяч имен, вообще нашел время для ее запроса.

– Нас явно не десять человек и даже не сотня. Алексей ведь не архивариус, который просто выдает справки. Он сам проводил огромную исследовательскую работу, составлял книги, собирал и систематизировал информацию. И все равно нашел время посмотреть именно мой случай. Причем еще и извинялся, что информации немного, потому что район, куда отправили прадеда, он пока подробно не изучал.

Она говорит, что именно тогда поняла, что для Бабя означали его огромные списки.

– Человек занимается историческим исследованием, в котором тысячи судеб, и при этом не теряет за этими тысячами конкретного человека. Моего прадеда, которого я искала спустя десятилетия.

Сам Бабий рассказывал, что любит отвечать на такие письма: они постоянно приносили новые сведения. Иногда удавалось найти людей, которые не знали о существовании друг друга, познакомить родственников – и дальше они продолжали восстанавливать семейную историю уже вместе.

Допрос

Еще одним способом вернуть архивным документам человеческое измерение для Бабя были публичные проекты.

Работник культуры **Михаил Озеров** (имя изменено по соображениям безопасности) около десяти лет назад участвовал в подготовке музейного проекта в Красноярске. Для одной из художественных интервенций, посвященной допросам, организаторам понадобился человек, который знал, как работала советская репрессивная машина.

– На первом же обсуждении Алексей согласился без всяких дополнительных условий консультировать нас столько, сколько потребуется. Очень щедро делился подробностями того, как были устроены процедуры ЧК – НКВД – МГБ – КГБ.

Вместе с режиссером Андрюсом Дарялой они собрали документальный иммерсивный спектакль "Допрос". В основе лежали реальные следственные документы "харбинцев", в том числе протоколы допросов бабушки и дедушки самого Бабия.

Один из зрителей добровольно заходил в черную кабинку. Перед ним появлялись фрагменты протокола, Даряла зачитывал вопросы следователя. Остальные наблюдали за происходящим на мониторе.

– Алексей объяснил нам, что многие протоколы как будто состоят из двух частей. Сначала – анкета, биографические данные. А потом люди вдруг начинают сознаваться во вменяемых им преступлениях. Между первым и вторым допросом в деле могут попадаться справки врача с фиксацией увечий и переломов. Эти тексты буквально писались кровью.

После каждого сеанса Бабий выходил к зрителям и объяснял документальную основу спектакля.

Озеров вспоминает, что кабинетным исследователем Бабий при этом не был.

– Несмотря на архивно-системный род занятий, он всегда активно вступал в дискуссию с теми, кто пытался обелять сталинизм, представлять жертв режима "врагами народа". Мог делать это жестко, эмоционально.

Самому Озерову Бабий позднее помог получить архивное дело прадеда.

– Он описал все нюансы взаимодействия с органами, мы очень хорошо подготовили заявку, и я смог все получить. Насколько я знаю, такие консультации он бескорыстно давал очень многим.

Книги памяти на столе

Наверное, самый известный публичный спор Бабия произошел в середине 2000-х на красноярском телевидении. Обсуждали установку памятника Сталину. Бабий пришел в студию с толстым кожаным портфелем, набитым томами краевой Книги памяти.

Беленкин говорит, что именно эта сцена лучше множества характеристик объясняет, каким человеком был Бабий.

– Его оппонент что-то начал говорить, а Алексей просто методично, медленно открыл портфель и начал доставать книгу памяти одну за другой. Открывает одну,

вторую, третью, показывает фотографии. Там слова уже не нужны. Удар фактурой и основательностью.

Сам Бабий рассказывал, что в этом была еще и небольшая тактическая хитрость: его оппонент читал заготовки с листа, а книги памяти постепенно перекрыли ему доступ к бумаге.

– Это списки, в каждой книге – пять-шесть тысяч человек, – говорил Бабий в студии.

Затем открыл один из томов на фотографиях раскулаченных.

– Посмотрите им в глаза.

Беленкин говорит, что вспоминает именно этот эпизод всякий раз, когда его спрашивают о Бабии.

– Это более важно, чем кажется. Вот такое поведение, такой характер. Отдельной какой-то интимной истории я боюсь придумывать. А эта – настоящая.

| В какой-то момент надежда закончилась

В конце 1980-х Бабий, как и многие участники "Мемориала", верил, что открытие архивов и публикация документов изменят общество. Позднее эта уверенность исчезла.

Беленкин вспоминает, что у многих мемориальцев перелом произошел примерно в середине нулевых.

– Вначале было: открыть глаза, просветить современников. Советская власть рухнула, они ничего не знают, "Архипелаг ГУЛАГ" не читали. Надо людей просветить. А потом пришло то, что пришло в нулевые, и возникло ощущение: ой, не напрасно ли мы столько усилий потратили? Работа продолжилась, но побудительные причины стали уже другими.

Сам Бабий датировал свое разочарование примерно началом 2000-х. В молодости, [рассказывал он "Новой газете"](#), ему казалось, что компьютеры и свободное распространение информации сами по себе способны сделать общество менее уязвимым для авторитаризма.

– Я даже формулировал как-то так, что общество, в котором много компьютеров, тоталитаризму неподвластно.

Позднее он называл эти представления глупостью.

– Я понял, что это не так, наверно, к началу двухтысячных.

К 2025 году Бабий уже говорил, что не рассчитывает переубеждать людей, ностальгирующих по Сталину. Сайт, объяснял он, существует не ради массового просвещения, а ради человека, который действительно захочет работать с документами.

– Может, это будет один такой, два, но ради них стоило этот сайт делать.

Но разочарование в способности изменить общество не превратилось в разочарование в самой работе.

– Мы собрали гигантский архив. Его нужно представить людям, – [говорил он в 2024 году](#).

СМОТРИ ТАКЖЕ

- "Сесть может любой!"

| Архив из Праги

Председатель чешской организации Gulag.cz **Штепан Черноушек** познакомился с Бабием в 2009 году. Тогда он собирался в свою первую экспедицию к остаткам лагерей так называемой Мертвой дороги и написал в красноярский "Мемориал".

– Алексей был вообще первым человеком из "Мемориала", с которым я познакомился. Он нас встретил в Красноярске, показал, что было у него в архиве, дал материалы, воспоминания, фотографии. И познакомил нас с бывшим надзирателем Мертвой дороги. Для меня это была очень важная встреча.

Они поддерживали отношения следующие семнадцать лет. Когда чешским исследователям требовалась информация о репрессированных гражданах Чехословакии или людях, чья судьба была связана с этой страной, Черноушек писал Бабию.

– Когда нам нужна была любая информация или уточнения, я всегда обращался к Алексею. И он всегда очень охотно помогал.

Однажды речь зашла о Бабкене Рашмаджяне – пражском архитекторе армянского происхождения.

6 октября 1945 года Рашмаджян ехал в трамвае с семилетним сыном Завеном. К нему подошли двое мужчин, что-то сказали и вывели из вагона. Отец успел лишь сказать сыну, чтобы тот передал матери: он вернется позже.

Вернулся Рашмаджян через шестнадцать лет.

После похищения сотрудниками НКВД его отправили в СССР. Пять лет он провел в системе ГУЛАГа в районе Печоры, затем был сослан в Енисейск, где работал в городской фотостудии. Документы о его работе в Енисейске теперь находятся и [в цифровом архиве "Мемориала"](#).

Когда Gulag.cz восстанавливал эту историю, Бабий съездил в Енисейск и нашел там архивные материалы о Рашмаджяне.

– Алексей просто съездил в Енисейск, нашел там материалы, отправил нам, – вспоминает Черноушек. – И сейчас я не знаю вообще, к кому обращаться. Очень его не хватает.

Рашмаджяна реабилитировали в 1960 году. Весной 1961-го он наконец вернулся к семье. Его сын Завен вспоминал, как во время перемены в университете однокурсник позвал его в коридор: там стояли мать и отец, которого он не видел с семилетнего возраста.

| Пиво и одиночество

Черноушек увидел и совсем другого Бабию.

В 2015 году он пригласил его в Прагу на конференцию "История против пропаганды". Бабию Чехия понравилась, и затем он приезжал туда почти каждый год – иногда уже не по работе.

– Он вообще был большой любитель пива. Я однажды сделал ему тур только по маленьким пивзаводам. Мы пробовали разные сорта и одновременно разговаривали про жизнь, про историю, про репрессии, про Сибирь, про чешские судьбы. Это было бесценно.

При всей публичной деятельности Бабий, по словам Черноушека, предпочитал одиночную работу.

– Он мне сам признавался: больше всего любит быть один, что-то читать, изучать, писать.

Скорее был человеком, который не очень

любил публику. И при этом сделал намного больше, чем многие публичные люди.

Черноушека особенно поражало сочетание в Бабии двух типов мышления.

– С одной стороны, гуманитарий – его интересовали люди, история, семейная память. С другой – математик, программист, очень строгий подход к информации. Он прекрасно совмещал эти два направления. Это очень редкий случай.

| Столбы

Еще одна жизнь Бабия была связана с Красноярскими Столбами – природной территорией под Красноярском, знаменитой своими сиенитовыми скалами.

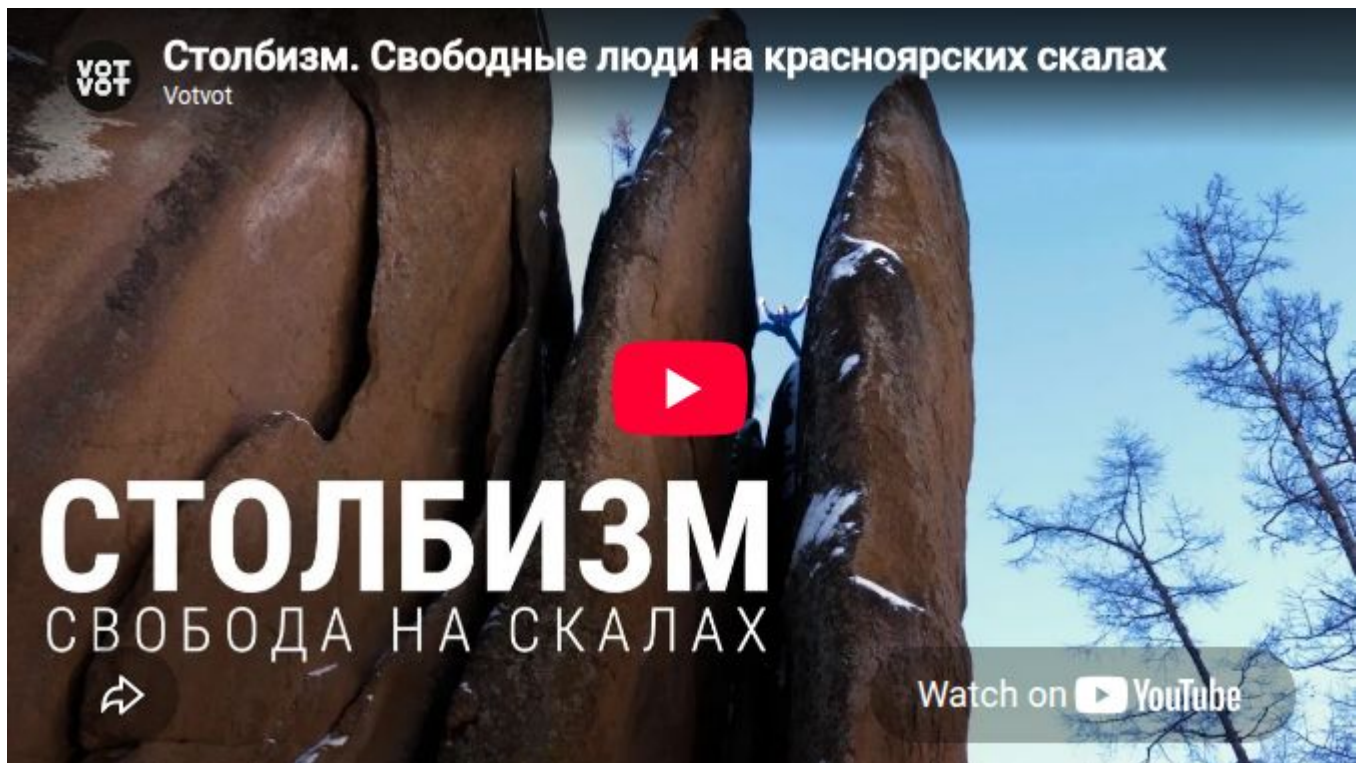
Он не только ходил туда сам, но десятилетиями собирал историю столбизма, старые фотографии, воспоминания и биографии. Бабий был автором идеи и создателем первого сайта "Красноярские Столбы". На сайте его называют архивариусом с коллекцией столбистских историй, фольклора и фотографий.

Когда его просили в нескольких словах объяснить, что такое столбизм, он отвечал:

– Если выразить суть столбизма одним словом – это будет слово "свобода". Если более развернуто – "любованье, лазанье, общение", – рассказывал он Сибирь.Реалиям.

На Столбах за полтора века сложился собственный неписанный кодекс. Нельзя ломать живые деревья, мучить животных, занимать чужую стоянку, приходить в избушку без приглашения. Но самым тяжелым нарушением считалось не помочь человеку на скале.

– Видишь, что кто-то не может пройти участок, не рассчитал своих сил – помоги, – объяснял Бабий.

Его бывший научный руководитель **Валерий Хвостенко** вспоминает, что после университета Бабий работал программистом, а затем ушел в частный компьютерный бизнес: открыл курсы компьютерной грамотности, позже вошедшие в компанию Maxsoft. Именно туда он в середине 1990-х пригласил преподавать и Хвостенко.

В Maxsoft, по его словам, существовала "Лаборатория некоммерческих проектов": часть заработанных компанией денег вкладывали в общественно полезные разработки. Хвостенко, сам увлеченный Столбами, предложил создать базу данных об их истории. Бабию этого показалось недостаточно.

– "База и приложение – это слишком просто. Будем делать сайт с архивом и админчастью", – вспоминает Хвостенко его ответ. – Во времена слаборазвитого интернета это была очень крутая идея.

Проект начали в конце 1990-х. Maxsoft выделил деньги и сотрудников, Хвостенко разработал структуру базы, а Бабий стал главным идеологом и руководителем проекта. Постепенно к работе начали присоединяться столбисты, приносявшие старые фотографии, книги, рукописи и воспоминания.

– Проект приобрел черты народной стройки. В виртуальном пространстве мы всем миром строили некую столбовскую суперизбушку: кто нес досточку, кто бревно, а

кто и чугунную печь.

В архиве оказались тысячи фотографий и рисунков, старые альбомы столбистов, книги и рукописи, рассказы, видео маршрутов. Все материалы передавались бесплатно. "Мы ничего не покупаем и не продаем. Проект некоммерческий, гуманитарный", – [писал Хвостенко](#).

История Столбов в работе Бабия постоянно пересекалась с историей репрессий. Бабий собирал сведения о репрессированных столбистах и участвовал в создании выставки "Нелидовка". В ее виртуальной версии сохранились архивно-следственные дела, фотографии и биографии людей этого сообщества. [Например, история Александра Яворского](#) – первого директора заповедника и одного из главных летописцев Столбов, прошедшего через аресты и ссылку.

Даже в последние годы, вспоминает Беленкин, у Бабия оставались "наполеоновские планы" по истории Столбов.

– Он про эти Столбы очень рассказывал, показывал фотографии. История репрессий и история столбизма у него иногда вообще сочетались.

| "Он останется после нас и вместо нас"

В последние годы Бабий, всю жизнь работавший с компьютерами, стал сторонником технологической простоты.

Алексей Бабий

Сайт красноярского "Мемориала" был сделан практически на "голом" HTML. Бабий сознательно не переводил его на сложные современные платформы. За свою жизнь он несколько раз сталкивался с тем, как данные, созданные на некогда передовом программном обеспечении, через несколько лет становились почти нечитаемыми.

– Все новое устаревает стремительно, – говорил он.

Поэтому сайт был устроен так, чтобы его можно было целиком скачать и запустить практически на любом компьютере, в том числе без интернета. Бабий специально выложил текущую копию архива и знал, что несколько человек уже сохранили ее у себя.

– Я, например, помер, а тут кто-то забыл хостинг оплатить. И все, и нету сайта.

Если исходный ресурс исчезнет, объяснял он, любой человек, у которого сохранилась копия, сможет снова разместить ее по другому адресу. Бабий сравнивал эту конструкцию с автоматом Калашникова: неприхотливая система должна работать независимо от среды.

К 2025 году в архиве было около 18 тысяч страниц.

– По сути дела, мы сделали энциклопедию репрессий в Красноярском крае. И это основной итог нашей деятельности.

СМОТРИ ТАКЖЕ

- "Здесь люди становятся свободными". Как на красноярских "Столбах" возник особый и независимый от государства мир

Беленкин в последний раз видел Бабя в Праге в 2025 году.

– Речь шла о том, чтобы оцифровать, выложить, привести в порядок электронную базу, тот массив, который есть. Это было главное. Ему постоянно что-то приносили, он что-то находил.

Смерть Бабя оборвала эту работу. Но сам архив он десятилетиями пытался устроить так, чтобы смерть одного человека не означала исчезновения того, что было собрано.

Алексей Бабий всю жизнь восстанавливал связи: между бумажным делом и электронной базой, именем в списке и фотографией, расстрелянным человеком и правнуком, который спустя восемьдесят лет пытается узнать его судьбу; между архивом в Енисейске и семьей в Чехии; между репрессированными столбистами и людьми, которые десятилетия спустя читают их истории.

– Для меня это редкое сочетание, – говорит Ирина из Кемерово. – Масштаб огромной работы и совершенно человеческое отношение к человеку, который просто пришел к тебе со своей маленькой семейной историей.

Незадолго до смерти Бабий говорил о созданном им архиве:

– Он останется после нас и вместо нас.

И сделал для этого все, что мог: устроил его так, чтобы сохранение памяти не зависело ни от одного компьютера, ни от одного сервера, ни даже от него самого.

Регионы

Общество.Сибирь

История.Сибирь